

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ И КАНАДЫ

003174004

На правах рукописи

БЕРДЕННИКОВ Михаил Витальевич

**ПОЛИТИКА США
В СФЕРЕ ХИМИЧЕСКОГО РАЗОРУЖЕНИЯ
(середина 1960-х – 2007 г.)**

Специальность 23.00.04 – Политические проблемы
международных отношений
и глобального развития

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

25 ОКТ 2007

Москва
2007

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ И КАНАДЫ

На правах рукописи

БЕРДЕННИКОВ Михаил Витальевич

**ПОЛИТИКА США
В СФЕРЕ ХИМИЧЕСКОГО РАЗОРУЖЕНИЯ
(середина 1960-х – 2007 г.)**

Специальность 23 00.04 – Политические проблемы
международных отношений
и глобального развития

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Москва
2007

*Работа выполнена в Институте Соединенных Штатов Америки
и Канады Российской академии наук*

Научный руководитель

- член-корреспондент Российской академии наук,
доктор исторических наук *С.М. Рогов*

Официальные оппоненты

- доктор политических наук *В.И. Кривохижев*;
- кандидат военных наук *В.Е. Ярынич*.

Ведущая организация

- Институт мировой экономики
и международных отношений РАН

Защита состоится «07 » октября 2007 года в 11:00 часов
на заседании Диссертационного совета Д002 244 02
при Институте Соединенных Штатов Америки и Канады
Российской академии наук по адресу.
123995, Москва, Хлебный пер., 2/3, конференц-зал.

*С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке
Института США и Канады РАН*

Автореферат разослан «03 » октября 2007 года.

Ученый секретарь
Диссертационного совета,
кандидат политических наук

Н А Гегелашвили

Обоснование темы исследования и его актуальность. Созданное на рубеже XX века, химическое оружие стало первой имманентной угрозой цивилизации и первым из трех существующих видов оружия массового уничтожения (ОМУ). Оно же оказалось и первым видом ОМУ, в отношении которого по инициативе России и США в конце XX столетия был установлен глобальный запрет. Химическое оружие первым в истории контроля над вооружениями проходит полный цикл – от создания до уничтожения. Центральную роль в этом уникальном историческом процессе играют обладатели крупнейших мировых запасов этого оружия – Россия и США. От них же главным образом зависят и его перспективы.

Подписание Конвенции о запрещении химического оружия (КЗХО) в январе 1993 года наложило на процессы, приведшие к распаду СССР. В системе мироустройства, характеризующейся нарастанием элементов однополярности, некоторые из ключевых параметров согласованного режима уничтожения и нераспространения химического оружия стали стеснять США. Перед Вашингтоном всталая задача корректировки созданного при их активном участии глобального механизма химического разоружения.

Такая трансформация, начавшаяся после прихода к власти в США администрации Дж. Буша-мл., осуществляется в контексте принятого в Вашингтоне *выборочного* подхода к международно-правовым режимам в области разоружения. В его рамках США пошли на слом договоренностей, которые, как, например, Договор по ПРО, стали сегодня ограничителями их «глобалистских» устремлений, и на передел других, включая КЗХО, которые в новом деформированном виде могут по-прежнему обеспечивать американские интересы в различных областях.

После инициированной США в 2002 году впервые в международной практике «смены режима» в Организации по запре-

щению химического оружия (ОЗХО), созданной в 1997 году для координации усилий международного сообщества по реализации КЗХО, США и их союзники сегодня полностью подчинили этот наднациональный механизм своим политико-стратегическим приоритетам, отнюдь не во всем тождественным интересам укрепления международной безопасности. В формально многосторонней ОЗХО процветает «однополярность», установлены двойные стандарты в инспекционной деятельности, режим нераспространения химического оружия функционирует нерационально, созданы политические условия, благоприятствующие линии США на сохранение до одной четверти их арсенала химического оружия после апреля 2012 года – установленной в КЗХО предельной даты для уничтожения всех его запасов во всех странах – участниках Конвенции.

В двусторонних российско-американских отношениях применительно к химическому разоружению США также не прекращают попыток поставить под контроль осуществление российской программы уничтожения химического оружия, диктовать России технологию и сроки проведения работ, а также в одностороннем порядке контролировать их осуществление. Более того, в Вашингтоне пытаются тормозить график ликвидации российского военно-химического арсенала, чтобы в апреле 2012 года США не оказались единственным из стран – обладателей химического оружия нарушителем КЗХО. В этих целях ими используются не только собственные политические и финансовые рычаги, но и многосторонние механизмы, включая ОЗХО.

Иными словами, в политике США в сфере химического разоружения нарастают опасные для российских интересов и международной безопасности тенденции, расшатывающие политический фундамент глобального запрета на химическое оружие. Эти тенденции требуют обстоятельного изучения. Анализ политики США в данной области важен и в более широком плане. Особенности и закономерности уникального процесса ликвидации мировых запасов химического оружия и функционирование режима его нераспространения имеют прецедентное значение для разработки режимов проверки применительно к другим видам ОМУ – ядерному и биологическому.

Объектом исследования в диссертации является политика США в области разоружения и международной безопасности применительно к уничтожению и нераспространению химического оружия.

Предметом исследования – комплекс военно-стратегических, внешнеполитических, международно-правовых, финансово-экономических и технических вопросов, определяющих политику США в сфере ликвидации и нераспространения химического оружия, центральными объектами которой на современном этапе являются американская и российская программы уничтожения химического оружия, а также деятельность ОЗХО

Хронологические рамки работы. Границы подробного исследования охватывают период с середины 60-х годов XX века по настоящее время и включают первые шесть лет деятельности администрации Дж. Буша-мл. Выбор исходной точкой детального анализа середины 60-х годов вызван тем, что именно в тот период вопросы химического разоружения были впервые поставлены на повестку дня международной политики. В 70-е – 90-е годы происходили процессы, приведшие к подписанию двусторонних российско-американских договоренностей по химическому разоружению, Конвенции о запрещении химического оружия и к созданию ОЗХО, а с 1997 года начался этап становления и последующей политической «ломки» этой организации, за которой последовала ее проамериканская «перестройка». Автор также показал эволюцию американского подхода к этим вопросам с конца XIX века.

Главной целью диссертации является критический анализ политики США в сфере химического разоружения в ее двустороннем и многостороннем аспектах, определение исторических этапов формирования этой политики, а также факторов, формирующих интересы США в этой области, выявление дестабилизирующих компонентов современной американской концепции противодействия распространению химического оружия, разработка рекомендаций, которые, по мнению автора, способствовали бынейтрализации упомянутых тенденций, полной реализации целей КЗХО и укреплению механизмов многостороннего разоружения, в которых кровно заинтересована Россия.

В более конкретном плане в диссертации поставлены следующие **исследовательские задачи**:

- определить основные исторические этапы формирования американской политики в сфере химического разоружения;
- выявить тенденции и закономерности, оказывавшие воздействие на формирование военно-стратегического и внешнеполитического курса США в этих вопросах;
- рассмотреть подходы администрации Дж.Буша – мл к проблематике химического разоружения и нераспространения химического оружия, оценить негативные аспекты этих подходов для международной безопасности и механизмов правового регулирования в области разоружения;
- проанализировать двусторонние российско-американские отношения в сфере химического разоружения через призму глобального американского подхода к этой проблеме и выявить мотивы, которыми США руководствуются в своей политике применительно к уничтожению запасов российского химического оружия на современном этапе;
- разработать рекомендации по мерам противодействия вышеупомянутым негативным тенденциям в политике США

Научная новизна исследования В диссертации впервые в российской академической литературе на широком фактическом материале комплексно проанализированы концептуальная, методологическая и практическая стороны подхода США как к двусторонним, так и к многосторонним аспектам химического разоружения, рассмотрены современные тенденции в этой области. Автор определил и исследовал основные исторические этапы в политике США в данной сфере – от накопления химического оружия и линии на достижение военно-технического превосходства в этой области, к обеспокоенности советским военно-химическим арсеналом, а вслед за этим – к мерам по противодействию горизонтальному распространению химического оружия, его глобальному запрету, уничтожению запасов и производственного потенциала, и, наконец, к деформациям этого режима. Особое вниманиеделено политике США в отношении ОЗХО – теме, до сих пор практически не затрагивавшейся в российской академической науке.

В работе на примере ОЗХО также исследованы не анализировавшиеся ранее отечественными экспертами тактика и методы, используемые американской дипломатией для обеспечения интересов США в международных организациях. Проведенный анализ позволяет спрогнозировать подходы США не только к проблематике химического оружия, но и к «реформе» международных организаций, а также предложить рекомендации по противодействию элементам этой политики, которые противоречат интересам России и большинства членов международного сообщества

В научный оборот введены новые источники, прежде всего, широко не использовавшиеся ранее российскими исследователями открытые документы Организации по запрещению химического оружия.

При подготовке исследования автор опирался на личный опыт многолетней практической работы по проблематике химического разоружения, в том числе во Временном техническом секретариате Подготовительной комиссии ОЗХО и в техническом секретариате Организации по запрещению химического оружия.

Степень научной разработанности темы диссертации. Проблематика ликвидации и нераспространения ОМУ и концептуальные подходы США к этим вопросам были и остаются объектом пристального изучения в отечественной и зарубежной академической литературе. Значительный вклад в фундаментальные исследования этой темы внесли такие авторитетные российские ученые и специалисты как Г.А. Арбатов, А.Г. Арбатов, А.Д. Богатуров, В.Г. Барановский, В.Ф. Давыдов, Ю.П. Давыдов, П.С. Золотарев, Н.И. Калинина, А.А. Кокошин, А.В. Кортунов, В.А. Кременюк, В.И. Кривохижка, В.П. Лукин, М.А. Мильштейн, В.А. Петрунин, А.А. Пикаев, С.М. Рогов, А.Г. Савельев, Л.С. Семейко, А.В. Торкунов, Д.В. Тренин, А.И. Уткин, Т.А. Шаклеина, А.И. Шумилин и др.

В работе использованы оценки и выводы, характеризующие внешнеполитический курс США на современном этапе, разработанные российскими исследователями. Особую ценность в этом плане представили работы А.Д. Богатурова, В.А. Кременюка, Л.С. Семейко, П.Т. Подлесного, С.М. Рогова, ряд монографий и статей Т.А. Шаклеиной по вопросам выработки постбиполярной стратегии США.

Подходы США к обеспечению международной безопасности наиболее детально изучены применительно к ядерному оружию. Аналитические разработки ведущих российских ученых в этой области А.Г. Арбатова, П.С. Золотарева, А.А. Кокошина, С.М. Рогова, Л.С. Семейко и др., относятся к наиболее продвинутым в международном академическом сообществе. В концептуальном отношении они оказали существенное содействие автору при разработке темы диссертации.

Вопросы собственно химического разоружения являются предметом активной внутриполитической дискуссии в российских научных и общественных кругах. Они рассматриваются в отдельных монографиях и многочисленных статьях, среди которых следует выделить работы А.Д. Горбовского, Н.И. Калининой, А.А. Пикаева, а также ряд исследований, подготовленных в ИМЭМО¹. При этом центральное место уделяется технологическим, экономическим, социальным и политическим проблемам, связанным с реализацией российской программы уничтожения химического оружия, а также финансовым аспектам международного сотрудничества в уничтожении российского химического оружия.

Из публикаций, изданных по теме диссертации за пределами России, существенный интерес представляют работы американских и европейских исследователей, посвятивших значительную часть академической деятельности проблематике химического разоружения. К ним относятся Дж. Али, Т. Бернауэр, Дж. Дин, Ж.-П. Зандерс, К. Колеман, Ж. Коттеро, М. Крепон, В. Крутч, Л. Лещук, К. Маккарти, Д. Манн, Р. Мэтьюс, Б. Робертс, Дж. Сиринсионе, Д. Скотт, Э. Смитсон, профессор права Ф. Сэндс, Дж. Такер, Р. Трэпп, Ч. Хеллер и др.

Весьма цennыми для анализа хода и итогов переговоров по КЗХО, а также политики США в отношении ОЗХО стали публикации и воспоминания участников этого процесса – послов С. Бацанова, С. Ледогара, Р. Лемана, К-М. Холтениуса,

¹ Н.И. Калинина Конвенция о запрещении химического оружия проблемы и перспективы М, Триалог, 2004, 136 с, Справочник «Глобальное партнерство против распространения оружия массового уничтожения» Рецензенты С.В. Антипов, А.И. Антонов, Н.И. Калинина М, Триалог, 2003, 184 с, Б.Ф. Мясоедов, А.В. Рощин, В.В. Гормай, В.Г. Рачеев Химическое разоружение в России М, ИМЭМО РАН, 2004, 107 с, Конвенция о запрещении химического оружия вопросы и ответы, М, ИМЭМО РАН, 1997, 20 с

П Шаха, Ж Эрреры, экспертов делегаций Г Купера, Х. Машади и др., а также выступления и публикации руководства ОЗХО и американских государственных чиновников, непосредственно реализующих (или реализовывавших) политическую линию США в этих вопросах – Р. Армитаджа, Дж. Болтона, С Голдмана, Р Микулака, Д Мэйли и С Радемакера и др.

Из зарубежных академических источников следует особо выделить соответствующие ежегодные публикации СИПРИ, а также ежеквартальный информационный «Бюллетень Конвенций по химическому и биологическому оружию», издаваемый программой Гарвард – Сассекс

Вместе с тем, несмотря на обилие академической литературы и источников информации по нераспространению ОМУ и химической демилитаризации в России и США, детальное изучение подходов США к функционированию глобального режима нераспространения химического оружия и многосторонним механизмам, координирующими деятельность международного сообщества в этой сфере, оставалось на периферии и отечественной и зарубежной науки. Это обстоятельство подтверждает необходимость системного исследования по теме диссертации.

Документальные источники настоящей работы образуют несколько групп. Они включают

- российское законодательство в сфере химического разоружения, документы российской внешней политики и выступления российских политиков по вопросам, являющимся объектом исследования;

- документы внешней политики США, включая официальные издания Белого дома, госдепартамента, Пентагона, выступления представителей администраций США, доклады комитетов сената США, Исследовательской службы конгресса, Управления технологических оценок и Главного счетного управления, мемуары американских политических деятелей, публикации экспертов и пр.;

- открытые источники ОЗХО и документы других международных организаций (прежде всего ООН);

- публикации неправительственных и академических организаций – упоминавшейся выше программы Гарвард – Сассекс, Стимсоновского Центра, Федерации американских ученых, Фонда Наследия, Комитета Юристов за Ядерную По-

литику, СИПРИ, Центра исследований, подготовки и информации по вопросам проверки (ВЕРТИК), Йельского университета, Фонда Стэнли, российского ПИР-центра и пр , и

– материалы отечественной и зарубежной периодической печати

В российских нормативных и политических документах содержатся базисные положения, определяющие подход России к проблематике химического разоружения С их помощью представляется возможным проследить динамику российской программы уничтожения химического оружия, а также приоритеты в части нераспространительских аспектов КЗХО.

Документы, подготовленные американским внешнеполитическим сообществом, дают представление об эволюции взглядов американского руководства на проблемы, составляющие предмет исследования.

Материалы ОЗХО и других международных организаций содержат первоисточники, позволяющие оценить многосторонние процессы химического разоружения. Документы неправительственных организаций и материалы прессы высвечивают проблемы, которые в силу их политической чувствительности, остаются за рамками официальных источников.

Следует сказать и об электронных источниках официальной и другой информации. Документы, полученные с российских веб-сайтов – Президента России, МИД России, веб-сайта «Химическое разоружение», американских – Белого дома, госдепартамента, Пентагона, министерства торговли США, и международных – ООН, Организации по запрещению химического оружия и др. оказали неоценимую помощь при разработке темы диссертации. Из информационных и академических электронных источников информации интерес представили веб-сайты Программы Гарвард – Сассекс, Стимсоновского Центра, Ассоциации по контролю над вооружениями, Фонда Наследия, Федерации американских ученых и др

Методологическую основу исследования составляют методы конкретно-исторического, сравнительно-исторического и структурно-функционального анализа. Сравнительно-исторический анализ используется для прослеживания динамики подхода США к проблематике химического разоружения Общенаучные

методы, включают анализ и синтез, дедукцию, обобщение и аналогию и пр.

Практическая значимость исследования. Проведенный анализ позволяет сформулировать выводы и рекомендации, которые, по мнению автора, могли бы быть полезны при реализации нашей линии в международных организациях и определении российского подхода к нераспространению ОМУ.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Современная политика США в сфере химического разоружения осуществляется в рамках общей стратегии, направленной на закрепление сложившегося в результате распада bipolarной системы положения Соединенных Штатов в качестве «единственной сверхдержавы». Эта политика призвана подкрепить курс США на построение «однополярного» мицоустройства и обеспечение необходимого им военно-стратегического преимущества.

2. США по-прежнему заинтересованы в ликвидации химического оружия у потенциальных противников, поскольку наличие у них такого оружия серьезно затрудняло бы возможности американских вооруженных сил в локальных войнах. Ключевая роль в реализации этой цели теперь отводится двусторонним, блоковым и «контрраспространенческим» механизмам. Конвенция о запрещении химического оружия – единственный глобальный правовой фундамент в сфере химического разоружения – не предоставляет США и их союзникам «особого статуса», а потому в полном объеме более не устраивает Вашингтон.

3. В рамках принятой администрацией Дж. Буша-мл концепции «выборочного» подхода к контролю над вооружениями США полагают, что уничтожение химического оружия другими не должно более сопровождаться уничтожением американского химического оружия, а режим его нераспространения должен в полной мере применяться только по отношению к странам, не входящим в категорию их «друзей и союзников». Эти установки определяют политику США в ОЗХО. США не скрывают, что не намерены уничтожать свой арсенал химического оружия в установленные Конвенцией сроки и навязали ОЗХО такой режим его нераспространения, при котором основная инспекционная деятельность направлена на безобидные для

КЗХО объекты в развивающихся странах, в то время как действительно опасные с точки зрения производимых химикатов объекты в США и союзных им государствах инспектируются недостаточно.

4. Российское химическое оружие также перестало рассматриваться США как самостоятельная равновеликая угроза. Оно, при наличии ядерного, по мнению США, более не влияет на состояние общего двустороннего военного баланса, а поэтому не является определяющим фактором при принятии США решений о судьбе их военно-химического потенциала. При этом, не отказываясь от конечной цели – полной ликвидации российского химического оружия и потенциала его производства, США стремятся затормозить российскую программу его уничтожения. Такое развитие событий дало бы США необходимое пропагандистское и политическое «прикрытие» для сохранения их собственных запасов химического оружия, а также обеспечило бы Вашингтону дополнительные рычаги политического воздействия на Россию. Для реализации этих целей США используют как программу американской помощи России в уничтожении химического оружия, так и многосторонние механизмы, прежде всего ОЗХО.

5. США необходимы новые механизмы управления «американоцентричным» миром. Существующие многосторонние институты, построенные на принципах вестфальской системы, не подходят на эту роль. Соответственно, Вашингтоном поставлена задача их коренной трансформации, создания – при сохранении формального «многостороннего фасада» – по существу новых международных организаций с двумя категориями членства – «управителей» и «управляемых», руководящую роль в которых должна играть возглавляемая США «коалиция» дружественных им государств. Первым примером реализации политики захвата Вашингтоном многосторонних институтов стала осуществленная США в 2002 году «смена режима» в Организации по запрещению химического оружия и последовавшая за этим ее проамериканская реформа.

6. Политика США в сфере химического разоружения чревата подрывом доверия международного сообщества к многосторонним политическим институтам, в том числе в сфере безопасности, и деформацией существующего режима его уничтоже-

ния и нераспространения. Она требует разработки стратегии противодействия, инициаторами которой должны стать заинтересованные в поддержании подлинной многосторонности члены международного сообщества, включая Россию. Без такого противодействия процессы «американизации» многосторонних политических институтов и деформации режимов нераспространения ОМУ будут нарастать.

Апробация исследования проводилась в научных публикациях по теме диссертации как в России, так и за рубежом.

Структурно исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка используемых сокращений и списка использованных источников и литературы.

Во **введении** обоснована актуальность темы, показана степень ее научной разработанности, дан обзор использованных источников и литературы, раскрыты предмет, цель, методологическая основа, научная новизна, теоретическая и практическая значимость диссертации, сформулированы выносимые на защиту положения и выводы, приведена информация об апробации исследования.

В **Главе 1** содержится аналитический обзор обстоятельств и мотивов, определявших на протяжении большей части XX века позицию США в сфере химического оружия. Прослежена динамика процессов, приведших, в конечном итоге, к подписанию в 1993 году Конвенции о запрещении химического оружия и дана экспертная оценка этого во многом уникального международного документа. Выявлены политико-стратегические мотивы, приведшие к радикальной трансформации подхода США к вопросам химического разоружения – от отказа участвовать соответствующих договоренностях, до активного содействия выработке КЗХО и двусторонних российско-американских соглашений по уничтожению химического оружия.

В течение почти ста лет – с конца XIX до середины 70-х годов XX века, США отказывались связывать себя ограничениями на химическое оружие. В основе этого подхода лежали особенности географического положения страны и военное превосходство над соседями, исключавшие возможность агрессии против собственно американской территории. США не стали

подписывать гаагскую декларацию 1899 года, а затем в течение 50 лет уходили от участия в Женевском протоколе 1925 года.

Вторая мировая война спровоцировала массовое производство в США химического оружия, сопровождавшееся разработкой конкретных планов его широкомасштабного боевого применения. США отказались от массированных химических бомбардировок японских городов в пользу применения ядерного оружия

После войны динамика ускоряющейся гонки химических вооружений стала диктоваться реалиями глобального советско-американского противоборства. С принятием в США доктрины «гибкого реагирования» химическое оружие стало важной «прокладкой» в лестнице эскалации от обычных к ядерным вооружениям. Вопреки Женевскому протоколу, США официально приняли стратегию применения химического оружия первыми.

Перемены в этой «милитаристско-изоляционистской» политике начали происходить под влиянием внешних факторов – прежде всего войны в Индокитае. С принятием в США доктрины «гибкого реагирования» химическое оружие стало важным компонентом лестницы эскалации от обычных к ядерным вооружениям. Что же касается присоединения США в 1975 году к Женевскому протоколу, то оно стало вынужденной реакцией на международное возмущение применением США гербицидов в Индокитае.

Несмотря на эти действия, США не были намерены отказываться от химического оружия. Выдвигавшиеся ими вплоть до конца 80-х годов разоружениеные инициативы – прежде всего проект Конвенции о запрещении химического оружия 1984 года – носили пропагандистский характер. Вписанные в них положения о контроле на поверку оказались неприемлемыми для самих США. В Вашингтоне сознательно обрекали переговорный процесс на безрезультатность.

К концу 80-х годов ситуация изменилась существенным образом. Фундаментальная трансформация подхода СССР к вопросам разоружения стала ключевым фактором, приведшим к пересмотру «отказного» американского подхода к запрету химического оружия. Кроме того, СССР вышел в этой области на паритет с США, иами был создан потенциал адекватного размена. Программа же производства в США бинарного химического оружия в военно-техническом отношении провалилась. В результате, США могли сохранять «химический» баланс с СССР толь-

ко разоружаясь, а не вооружаясь. Политическим итогом этих процессов стало подписание в 1990 году двустороннего соглашения об уничтожении и непроизводстве химического оружия. Переоценка же в США как военно-технической целесообразности хранения запасов «устаревающего» химического оружия, так и угрозы его горизонтального распространения стали важными обстоятельствами, сориентировавшими Вашингтон на желательность глобального запрета химического оружия. США осознали, что угроза распространения химического оружия по миру требовала многостороннего ответа.

Совокупность этих причин создала такую самодовлеющую динамику в сфере химического разоружения, которая сделала Конвенцию о запрещении химического оружия политически безальтернативной.

Итогом пересмотра в США геополитической ситуации, сложившейся в конце 80-х годов, стал окончательно оформленный в президентство Дж. Буша-старшего курс на решение четырех взаимосвязанных задач:

- ликвидацию советского военно-химического арсенала;
- ликвидацию всех других запасов химического оружия в мире;
- создание глобального режима нераспространения химического оружия под международным контролем; и
- принятие мер по «гармонизации» подходов главных стран – производителей химикатов и оборудования для химической промышленности в сфере экспортного контроля.

Первая задача должна была быть реализована посредством советско-американского соглашения 1990 года. Конвенция о запрещении химического оружия виделась США как механизм для решения второй и третьей задач, а последняя – четвертая – была передана в компетенцию так называемой «австралийской группы».

В 1992 году на заключительном этапе переговоров в Женеве политические приоритеты США вновь сместились на проблему российского химического оружия. После распада СССР главными целями США в сфере химического разоружения стали предотвращение утечек российского химического оружия с баз хранения и его скорейшая ликвидация.

Подписанная в 1993 году КЗХО на том этапе в целом соответствовала американским военным, политическим и экономи-

ческим интересам, хотя отдельные ее положения (например, о конверсии бывших объектов по производству химического оружия) уже тогда вызывали недовольство консервативной части политической элиты США.

Вместе с тем, неизбежным следствием спешки, в которой проект Конвенции верстался в 1992 году (чтобы успеть завершить работу над ним до окончания президентского срока Дж. Буша-ст.) стало наличие в тексте пробелов, недоработок, а также положений, допускавших различные толкования, причем многие из них создавались сознательно. Наличие переговорных «огрехов» подорвало целостность режима проверки, облегчило установление после 2002 года «двойного стандарта» в инспекционной деятельности ОЗХО и искажения согласованного в КЗХО режима нераспространения химического оружия.

Проявившееся на завершающем этапе работы над КЗХО стремление США оградить свою химическую промышленность от интразивных инспекций также противоречило задаче создания эффективного режима нераспространения химического оружия. Сознательное размытие США эффективности режима проверки на заключительной стадии переговоров, объяснялось тем, что в Вашингтоне на Конвенцию о запрещении химического оружия был заранее близоруко наклеен ярлык неэффективного договора. Главная ценность КЗХО, по мнению США, заключалась в том, что Конвенция давала им юридическое право оказывать одностороннее давление на других участников КЗХО через «санкционированный» Конвенцией механизм двусторонних консультаций.

В **Главе 2** рассматриваются внешнеполитические цели и факторы, определявшие подходы США к КЗХО на этапе подготовки к ее вступлению в силу, а также динамика российско-американских обменов по проблематике химического разоружения. Проанализированы предратификационные дебаты в США и тесно переплетенные с ними американские позиции в Подготовительной комиссии (ПК) ОЗХО. Рассмотрены причины, во многом связанные с линией США, по которым осуществление Конвенции началось в авральном режиме.

Развитие событий в США на этапе подготовки к вступлению КЗХО в силу свидетельствовало об остройших противоречиях в американских политических кругах по центральным вопросам

химического разоружения. Многие в консервативной части американской политической элиты и после подписания Конвенции полагали, что ликвидации российской «химической угрозы» можно добиться на базе подписанного между СССР и США в 1990 году двустороннего соглашения, а противодействовать горизонтальному распространению химического оружия будет проще, сохраняя потенциал химического сдерживания. Такая схема исключала многостороннюю Конвенцию как элемент обеспечения национальной безопасности США.

В главе показано, что после подписания КЗХО ее противники в правом крыле республиканской партии восприняли этап ратификации как возможность сквитаться с Дж. Бушем-ст. за неоправданные, по их мнению, уступки со стороны США, которыми сопровождался конечный этап женевских переговоров. Кроме того, в консервативной части американской политической элиты тогда уже начинали вызревать концепции, согласно которым на новом этапе международных отношений США не должны были участвовать «на равных» в соглашениях о сокращении вооружений.

Приход в Белый дом в 1993 году администрации демократов и переход конгресса в 1995 году под контроль республиканцев дали противникам КЗХО возможность взять реванш за прежние поражения. Взятая ими тактика на затягивание ратификации Сенатом предполагала либо срыв участия США в КЗХО, либо присоединение к ней, но на условиях, которые означали бы по существу «перекройку» уже подписанных договоров по меркам американских правых.

Вышеизложенная тактика сработала. Не ожидавшая того, что европейцы возьмут курс на ратификацию Конвенции, не дожидаясь России и США, администрация Клинтона была вынуждена принять практически все условия противников ратификации для того, чтобы успеть своевременно стать участником КЗХО. В результате, КЗХО была ратифицирована США с оговорками, которые не только меняли баланс достигнутых в Женеве договоренностей, но и нарушали дух и букву Конвенции.

Тактика сенатских проволочек также привела к тому, что, ратифицировав Конвенцию всего за несколько дней до ее вступления в силу, США не успели разработать и принять внутреннее законодательство, необходимое для ее осуществления в самих США. Его отсутствие оказало негативное воздействие и на рабо-

ту собственно Подготовительной комиссии ОЗХО, где США блокировали решения по многим вопросам существа. Так Комиссия оказалась не в состоянии решить 33 из 39 вопросов, включенных ее мандат². В Вашингтоне не были готовы ангажироваться на любые решения, которые впоследствии могли бы быть «дезавуированы» американским внутренним законодательством. Все остальные государства-участники оказались «заложниками» этой обструкционистской политики США. Кроме того, политика США на том этапе характеризовалась линией на «размытие» тех элементов согласованного международного режима химического разоружения, которые в Женеве Вашингтон был вынужден уступить другим участникам переговоров.

Итоги работы Подготовительной комиссии совпали с американскими ожиданиями. В ПК удалось решить в основном организационно-финансовые вопросы, связанные в подготовкой к вступлению в силу КЗХО. Но и здесь установленные задолго до вступления Конвенции в силу по согласованию с США лимиты на численность (400 чел.) и бюджет организации (не более 100 млн. долл.) – вдвое меньшие по сравнению с рассматривавшимися в Женеве – так и не позволили ОЗХО в полном объеме раскрыть свой инспекционный потенциал. Эта ситуация еще более усугубилась в 1996 году после отказа России от упомянутого выше двустороннего соглашения. Стало ясно, что имевшихся в наличии ресурсов ОЗХО хватит только на проверку уничтожения арсеналов химического оружия, а проверка предприятий химической промышленности будет сведена к формальному минимуму. Такая ситуация устраивала Вашингтон. Эффективно контролировать собственную химическую промышленность с помощью ОЗХО США и их европейские союзники не собирались.

Нерешенность вопросов существа также отвечала стратегии США. В Вашингтоне исходили из того, что, захватив господствующие позиции в секретариате ОЗХО после вступления Конвенции в силу (США были и остаются главным плательщиком в бюджет ОЗХО), им будет проще навязать организации собственные рецепты. Эта тактика действий – через секретариат, минуя политические органы – виделась особенно привлекательной, по-

² Statement Made by the Leader of the Indian Delegation to the Sixteenth Plenary Session of the Preparatory Commission of the OPCW on 14 April 1997, PC-XVI/27, Sixteenth Session, p. 2

скольку не требовала согласования с другими государствами-участниками

Позиция Вашингтона в Подготовительной комиссии диктовалась и укоренившимся восприятием России как потенциального противника и после окончания холодной войны. Недаром все ключевые фигуры в американской «химической бюрократии» бессменно остаются на своих местах в течение уже многих десятков лет. США блокировали в ПК решения по конверсии объектов по производству химического оружия. Аналогичная линия проводилась в вопросе о российской «двухстадийной» технологии уничтожения химического оружия США настаивали на том, что вторая стадия этой технологии – уничтожение «реакционных масс» (смеси химикатов, получаемых в ходе нейтрализации ОВ) – должна быть предметом международной проверки. Такой подход, требовавший применения непрерывного наблюдения с помощью инспекторов к проверке уничтожения сотен тысяч тонн химикатов, схожих по токсичности с обычными коммерческими, делал бы невозможным завершение уничтожения химического оружия в России в максимально разрешенный по КЗХО срок – 15 лет.

США использовали в своих интересах и сложности, возникшие в России после распада СССР. Механизмы межведомственного согласования в России были расшатаны. Проблематика разоружения по объективным причинам ушла на задний план. Деятельность российской делегации в ПК носила поэтому реактивный характер. Если раньше СССР играл роль политического балансира США в переговорах о химическом разоружении, то после подписания КЗХО – из-за российского бездействия – США получили в ПК практически полную свободу рук.

Кроме того, внутриполитические сложности и расстановка сил в Думе привели к задержке с ратификацией Конвенции Россией. Именно такой итог виделся Вашингтону идеальным в политическом отношении. Американцы были заинтересованы в том, чтобы Россия была «втянута» в Конвенцию уже после того, как соответствующие политические и практические прецеденты «по американской модели» будут созданы, а ключевые посты в секретariate новой международной организации будут заполнены представителями США и их союзниками. Не исключено, что и сама дата голосования в сенате США – 25 апреля 1997 года –

была выбрана, чтобы исключить даже теоретически возможность своевременной последующей ратификации КЗХО Россией.

В **Главе 3** рассмотрена эволюция политики США в отношении ОЗХО после вступления Конвенции в силу, а также исследованы двусторонние российско-американские отношения в сфере химического разоружения и программы международного сотрудничества по уничтожению российского химического оружия.

Политика США в ОЗХО представляет практический интерес в двух плоскостях: в контексте эволюции взглядов американского политического руководства по проблематике нераспространения ОМУ, а также в свете происходящего в Вашингтоне в последние годы пересмотра методологии обеспечения господствующего положения США в международных организациях. По стечению обстоятельств ОЗХО оказалась первым «полигоном» для реализации этих концепций, выдвинутых в США на волне «ультраправого радикализма» после террористических атак 11 сентября 2001 года.

В главе проанализированы политические «ограничители», которые на протяжении первых нескольких лет после вступления Конвенции в силу сковывали Вашингтону свободу рук по навязыванию ей американских приоритетов. По меньшей мере три положения американского внутреннего законодательства противоречили – одни – букве, другие – духу Конвенции. Кроме того, в течение первых трех лет США отказывались предоставлять в ОЗХО объявления своих промышленных химических предприятий, вследствие чего последние не могли инспектироваться ОЗХО. Статус нарушителя не позволял США до середины 2000 года оказывать активное давление на проводимый организацией курс по реализации Конвенции. Перекройке режима Конвенции на том этапе мешали и впечатляющие успехи ОЗХО – стремительный рост числа государств-участников и создание в рекордно короткий срок эффективного режима проверки.

Наиболее серьезные разногласия между США и ОЗХО выявились сразу после начала в 2000 году инспекций американских химических заводов. США блокировали адекватный доступ инспекторам к своим промышленным предприятиям. ОЗХО встала перед выбором – либо согласиться с «двойным стандартом» в инспекционной деятельности, либо требовать от США соблюдения инспекционных процедур, уже отработанных и не встречавших

противодействия в других странах. Руководство ОЗХО пошло по второму пути – в отчетах об инспекциях в США появились «забоченности».

Рост раздражителей в отношениях между ОЗХО и США наслился на смену администрации в Белом доме, которая привела к наиболее фундаментальным за многие десятилетия изменениям в политике США в сфере контроля над вооружениями.

В рамках новой концепции «выборочного» подхода к контролю над вооружениями с приходом к власти администрации Дж. Буша-мл. возобладал радикальный подход – либо политика в сфере ограничения и сокращения вооружений будет проводиться по американским правилам, либо в ней пропадает необходимость.

В основу этой концепции применительно к России был заложен отказ от принципа паритета. По логике ее идеологов с исчезновением СССР пропала и симметричная угроза для США, а значит, отношения между Россией и США уже не должны были строиться на принципах равноправия. На этом политическом фоне унаследованный Россией советский военно-химический потенциал перестал видеться в США как самостоятельная равновеликая военная угроза. Соответственно перестало быть аксиомой, что уничтожение российского химического оружия должно сопровождаться уничтожением американского химического оружия, а его проверка – осуществляться на взаимной основе.

В многостороннем плане новая система взглядов на характер угрозы распространения оружия массового уничтожения предполагала деление его обладателей на «своих» и «чужих». На высшем политическом уровне было заявлено, что распространение ОМУ представляет угрозу для США только если это оружие попадает в распоряжение стран и организаций, которые в Вашингтоне рассматриваются как «враждебные»³. При такой концептуальной постановке вопроса существование непредвзятых многосторонних институтов, для которых ОМУ представляет угрозу вне зависимости от страны его размещения, стало для Вашингтона не просто опасным, но и неприемлемым. На первый план выдвинулись силовые «контрраспространеческие» механизмы, прежде всего «инициатива по борьбе с распространением оружия массового уничтожения» (ИБОР).

³ National Strategy to Combat Weapons of Mass Destruction, December 2002, p. 1.

Наиболее «уязвимыми» в спектре проблем, связанных с оружием массового уничтожения, оказались вопросы химического разоружения. Ключевыми фигурами в администрации Дж. Буша-мл. стали вице-президент Р. Чейни и бывший министр обороны Д. Рамсфелд, оппозиция которых КЗХО еще на этапе ее ратификации была общеизвестной. КЗХО не позволяла США проводить односторонние контрраспространеческие, включая силовые, акции в «химической сфере» применительно к другим ее участникам, а также ставила барьеры применению «несмертельного» химического оружия в военных целях (например, в Ираке). Кроме того, в Вашингтоне стали опасаться, что пример непредвзятости ОЗХО может подтолкнуть и другие международные организации к проведению более сбалансированной политической линии, с меньшей оглядкой на США. Такой поворот шел бы вразрез со стратегической установкой администрации Дж. Буша-мл. на обеспечение господства США в системе существующих наднациональных механизмов, которое делало бы их пригодными для управления американоцентричным мироустройством.

Изначально в Вашингтоне было решено устроить ОЗХО финансовый «прессинг». Когда этот курс провалился, перед США встал выбор – либо выйти из Конвенции, либо перекроить ОЗХО под свои политические приоритеты. Выход США из КЗХО был бы контрпродуктивным, поскольку привел бы к выходу из нее и России, лишил бы США доступа к ценной информации о химическом оружии, а также к ценным экономическим данным о производстве, переработке и потреблении многих химикатов. Кроме того, США теряли бы права на проведение инспекций по запросу в других странах. Поэтому в Вашингтоне был взят курс на «смену режима» в ОЗХО и ее проамериканскую реформу. Смена режима преследовала и более широкие политические цели – демонстрацию того, что попытки проведения подлинно непредвзятого курса любыми международными институтами будут жестоко караться. Через нее США вознамерились ввести в оборот одностороннюю модель многосторонности.

Несмотря на «успешное» смещение в апреле 2002 года первого генерального директора ОЗХО, США не удалось создать тем самым желаемого политического прецедента. Административный трибунал МОТ признал, что решение об отстранении Ж. Бустани от должности представляло собой «неприемлемое

нарушение принципов, на которых построена деятельность международных организаций ... посредством оставления чиновников уязвимыми для давления и политических изменений»⁴. Политический скандал и широкая огласка незаконных действий США не позволили Вашингтону применить впоследствии те же «силовые» методы для смещения бывшего генсекретаря ООН К. Аннана, М. Эль-Барадея (МАГАТЭ) и В. Хоффмана (ОДВЗЯИ)

Вместе с тем, другие действия Вашингтона, направленные на обеспечение контроля над ОЗХО, нельзя не назвать успешными.

«Смена режима» в ОЗХО обеспечила благоприятные политические условия для невыполнения США их ключевого обязательства по Конвенции – своевременной ликвидации химического оружия. Ориентировочной датой завершения уничтожения американского химического арсенала сейчас называется 2023 год, причем не факт, что и этот график будет соблюден. Представляется, что одной из истинных причин такого поворота является провозглашенная нынешним вице-президентом США Р. Чейни еще в начале 90-х годов позиция о том, что США не должны уничтожать всего своего химического оружия до тех пор, пока все страны, способные его производить не присоединятся к Конвенции.

Другим направлением трансформации режима нераспространения химического оружия является его переориентация с инспекций развитых стран, где расположены наиболее опасные промышленные объекты, на развивающиеся государства, в которых находятся заводы, даже не производящие химикатов двойного назначения. Инспекционные ресурсы ОЗХО расходуются нерационально. Причем США настаивают на принятии решений, которые открывали бы им возможность по существу «заказывать» инспекции таких объектов повсюду в мире. Передел режима нераспространения химического оружия отражает точку зрения неоконсервативной части нынешней американской политической элиты, верящей «в конкурентный взгляд на контроль над вооружениями – в котором друзья и враги четко обозначены и к ним применяется различный подход»⁵. Из договора между

⁴ ILOAT Judgement No 2232 in Re Bustani Ninety-Fifth Session, 16 July 2003, paragraph 16

⁵ Strategies for US National Security Winning the Peace in the 21st Century, A Task Force Report of the Strategies for US National Security Program Larry Korb, Task Force Chair and Report Author. Michael Kraig,

равными Конвенция постепенно становится механизмом проверки блоком развитых стран Запада предприятий химической промышленности в других государствах

Дождавшись присоединения к КЗХО большинства государств, США дезавуировали согласованный в Женеве «большой компромисс», согласно которому присоединение развивающихся стран к Конвенции вело бы к снятию в отношении этих государств экспортных ограничений на торговлю химикатами. Сегодня существующие механизмы экспортного контроля объявлены полностью соответствующими целям Конвенции, а практика отказов в экспорте химикатов государствам – участникам КЗХО, добросовестно выполняющим свои обязательства, рассматривается как полностью вписывающаяся в положения этого договора. Размыается фундамент, обеспечивший широкое участие международного сообщества в Конвенции о запрещении химического оружия

На ОЗХО отрабатываются административные методы подчинения международных организаций внешнеполитическим целям США. Ключевым элементом здесь становится по существу единичное назначение Вашингтоном руководителей международных организаций. После этого создается авторитарная система управления, в которой ключевые решения принимаются и выполняются подконтрольным только узкой группе государств генеральным директором/секретарем, а сдержки и противовесы, ограничивающие его полномочия, демонтируются. При этом американские «политические назначенцы», по неформальной традиции возглавляющие административные отделы во всех международных организациях, располагают информацией, позволяющей им полностью контролировать деятельность руководства

Новым элементом в методологии демонтажа независимых международных организаций стал механизм кадровой чистки, проведенной, применительно к ОЗХО, под предлогом выполнения решения об ограничении срока службы. Этот инструмент – предполагающий произвольное непродление контрактов любым сотрудникам без объяснения причин – позволил США поставить под свой контроль не только руководство, но и весь состав организации. Полная зависимость всех международных чиновников от воли неподотчетного «первого лица», а значит от воли тех,

кто является гарантом его пребывания на посту, ставит их перед выбором – либо беспрекословно выполнять любые указания руководства, либо рисковать потерей работы. Понятно, что ни о какой непредвзятости и независимости международных чиновников при такой кадровой схеме говорить не приходится.

И, наконец, неотъемлемой частью «реформы» КЗХО явилось значительное усиление «закрытости» организации, выразившееся в существенном сокращении объема предоставляемой гражданскому обществу информации о ее работе.

Представляется, что такие методы «реформирования» будут применяться США и к другим международным организациям, включая ООН.

Не менее тревожной после вступления КЗХО в силу оставалась и политика США в российско-американских отношениях в сфере химического разоружения.

США активизировали попытки поставить под свой контроль реализацию российской программы уничтожения химического оружия – диктовать нам график, сроки и технологию соответствующих работ, а также настаивали на предоставлении им неограниченного одностороннего доступа к химическим объектам. На двустороннем уровне в этих целях использовалась и продолжает использоваться разрекламированная программа американской помощи в уничтожении российского химического оружия. Программа «глобального партнерства» расширила базу международной помощи российской программе уничтожения химического оружия, но темпы ее реализации не обеспечивают требуемых объемов финансирования. Принятое в России принципиальное решение опираться в этом отношении на собственные ресурсы стало единственным правильным способом решения проблемы, обеспечивающим соблюдение Россией ее обязательств по КЗХО.

США по-прежнему заинтересованы в уничтожении российского химического оружия. Вместе с тем, с учетом намерений США сохранять на неопределенное время значительную часть своего химического арсенала, главной их задачей применительно к России стало торможение российской программы уничтожения химического оружия. Во-первых, США не хотели бы в одиночку становиться «нарушителями» КЗХО. Во-вторых, несоблюдение сроков ликвидации химического оружия Россией могло бы открыть перед США новые возможности для получения особых

прав доступа к российским химическим объектам. Эта цель ставится давно – США по-прежнему полагают, что Россия объявила не все доставшееся ей от СССР химическое оружие.

После отказа России в 1996 году от подписанного между СССР и США в 1990 году двустороннего соглашения КЗХО осталась единственным правовым регулятором в сфере химического разоружения и в российско-американских отношениях. В американских планах переделки Конвенции поэтому была выделена отдельная «российская» составляющая – через ОЗХО США намеревались реализовать цели, которых им не удалось достичь на двусторонней основе. Механизмы ОЗХО (например, через нерешенность вопроса о «конечной точке уничтожения» химического оружия) активно используются США для торможения российской программы уничтожения химического оружия.

В **заключении** суммируются концептуальные положения, определяющие политику США в сфере химического разоружения на современном этапе, а также представлены выводы и рекомендации, имеющие, по мнению автора, отношение к формированию стратегии России применительно к ликвидации химического оружия и обеспечению защиты интересов страны в международных организациях

Следующие действия США в сфере химического разоружения противоречат не только духу и букве Конвенции, но и интересам укрепления международной безопасности:

- намерение сохранить на неопределенный срок значительную часть наступательного военно-химического потенциала вопреки безусловному требованию международной Конвенции о ликвидации всего такого оружия до апреля 2012 года;
- линия на торможение реализации российской программы уничтожения химического оружия, чтобы прикрыть собственное нежелание уничтожать такое оружие, а также расчет на то, что срыв Россией установленных КЗХО сроков позволит США установить в России особо интрузивный режим проверки;
- размывание согласованного в КЗХО режима международной проверки предприятий химической промышленности, установление в нем «двойного стандарта», минимизация инспекционного бремени для предприятий химической промыш-

ленности в США и союзных им странах, где расположены наиболее опасные для целей Конвенции предприятия, и ее интенсификация в других государствах. Вследствие этого режим международной проверки становится идеологизированным, интенсивность и интрузивность инспекционных мероприятий диктуется не степенью риска тех или иных объектов для целей договора, а страной их размещения;

– попытки создать правовые рамки, которые позволяли бы США официально направлять инспекционную деятельность ОЗХО, «заказывать» инспекции тех или иных интересующих США промышленных объектов в других странах, а также, возможно, и направлять на такие инспекции под флагом ОЗХО американских инспекторов. Таким образом США хотели бы, в частности, сквитаться с Россией за отказ последней от двустороннего соглашения 1990 года, предполагавшего американский режим проверки в России и российский – в США. Сейчас США ведут дело к тому, чтобы установить под флагом подконтрольной им ОЗХО односторонний американский режим проверки в России;

– отказ от данного в 1992 году обещания о снятии экспортных ограничений на торговлю химикатами в мирных целях для государств, добросовестно выполняющих свои обязательства по КЗХО;

– противодействие созданию в ОЗХО собственного эффективного потенциала оказания помощи государствам, пострадавшим от применения химического оружия;

– отказ от тех мер по противодействию химическому терроризму в рамках ОЗХО, которые привели бы к усилению инспекционного бремени на США и их союзников и ввели бы дополнительные ограничения на перспективные военно-химические разработки; и

– обеспечение полного американского доминирования в ОЗХО, уже отчасти реализованное намерение превратить ее по существу в подконтрольную США структуру.

Эти опасные тенденции дискредитируют саму концепцию многосторонности и грозят потерей доверия международного сообщества к существующим многосторонним механизмам, в том числе в сфере разоружения и нераспространения. Реализация

планов США, уже частично осуществленных, входит в прямое противоречие с национальными интересами значительного числа государств, включая Россию

К сожалению, атака США на многосторонние институты пока не встречает последовательного противодействия, которое требовало бы разработки соответствующей долгосрочной политической стратегии и активных действий по ее реализации.

При подготовке такой стратегии было бы целесообразно учитывать следующее.

1. Политика России в *сфере химического разоружения* определяется основополагающими интересами страны в сфере ограничения и сокращения вооружений. Таким интересам, по мнению автора, отвечает сохранение существующего правового режима в сфере химического разоружения в том виде, как он закреплен в КЗХО, и его дальнейшее укрепление. Интенсивные попытки США деформировать этот режим, чреватые его девальвацией, противоречат российским интересам и должны встречать отпор, в том числе и публичный

2. Линия России в вопросах химического разоружения была бы более эффективной, если бы нам удалось вернуть внешнеполитическую инициативу в этой сфере. В современных условиях привлечение средств международного сообщества для уничтожения российского химического оружия не является самодовлеющей задачей, ставящей Россию в положение просителя. На первом плане были и остаются действительно стратегические интересы страны – своевременное уничтожение запасов химического оружия *всеми* государствами – участниками КЗХО, которые им обладают, и поддержание действительно эффективного глобального режима нераспространения химического оружия. Как представляется, есть потребность в разработке комплекса мер, двусторонних и многосторонних, которые, в конечном счете, заставили бы США отказаться от намерения сохранять военно-химический арсенал после 2012 года. Следовало бы активно противодействовать и навязываемому ОЗХО Вашингтоном развороту в инспекциях химической промышленности, создать в этих целях коалицию государств, которые препятствовали бы попыткам отвести бремя инспекций от наиболее опасных объектов и переориентировать их на безобидные для КЗХО заводы, не производящие химикатов двойного назначения. Возвращению ОЗХО к принципам непредвзятости в инспекционной деятельности

сти способствовало бы обеспечение весомого российского представительства в подразделениях секретариата ОЗХО, осуществляющих режим международной проверки, обеспечить в них весомое российское представительство

3. Было бы целесообразно поставить вопрос об адаптации режима Конвенции к проблеме «химического терроризма», в частности рассмотреть возможность сокращения объема ОВ, который каждое из государств – участников Конвенции сегодня может хранить для использования «в незапрещенных целях».

4. Для усиления российского влияния в *международных организациях*, включая ОЗХО, представляется целесообразным пересмотреть проводившуюся нами в течение последних 15 лет линию на уменьшение российского бюджетного взноса в международных организациях. Ситуация, в которой США финансируют одну пятую бюджета таких организаций, а Россия – один процент – не только не соответствует реальному значению и роли России в международных делах, но и серьезно затрудняет проведение активной политической линии в многосторонних институтах.

5. Одной из эффективных мер противодействия попыткам США поставить под свой контроль международные организации могло бы стать развертывание в них широкой политической дискуссии об укреплении принципов и процедур подлинной многосторонности. Без такой дискуссии, в которой государства-участники могли бы озвучить свои озабоченности, процесс их постепенной «американизации» будет нарастать. Другим инструментом могло бы быть обеспечение в многосторонних институтах реальной транспарентности. Это предполагало бы создание дополнительных механизмов контроля, включая национальные аудитные проверки государствами-участниками действий руководства международных организаций в ключевых областях деятельности⁶.

6. В контексте дискуссии о реформе международных институтов России следовало бы разработать предложения по формированию и осуществлению в них кадровой политики. Было бы

⁶ США уже создали такую практику в ОЗХО. Деятельность организации проверялась экспертами Главного счетного управления США (См Chemical Weapons Organization for the Prohibition of Chemical Weapons Needs Comprehensive Plan to Correct Budgeting Weaknesses? US General Accounting Office, October 2002, GAO-03-5) Этим прецедентом могли бы воспользоваться и соответствующие российские ведомства.

целесообразно вести дело к тому, чтобы распределение профессиональных постов в международных организациях, включая канцелярии их генеральных директоров, проводилось в строгом соответствии с принципом справедливого географического распределения, а посты высокого уровня периодически ротировались между различными региональными группами и, отдельно, между постоянными членами СБ ООН. Постоянные члены СБ ООН должны иметь и особую равную «квоту» в международных организациях – не только в плане количества, но и «качества» постов, занимаемых их гражданами. Возникает необходимость рассмотреть вопрос и о структуре так называемых региональных групп, которые формально составляют ядро политической структуры во многих международных организациях. Сегодня, например, восточноевропейская региональная группа, ранее объединявшая СССР и социалистические страны Восточной Европы, в массе своей состоит из новых членов НАТО и ЕС, придерживающихся соответствующей политической дисциплины.

7. Декларированная Россией политика в области нераспространения химического оружия не всегда подкреплена адекватным *организационным потенциалом*. Существующие российские ведомства, в сферу ведения которых входят вопросы химического разоружения, в первую очередь задействованы на реализации национальной программы уничтожения химического оружия. В них зачастую отсутствует «нераспространеческий» аспект. Думается, что в этой связи стоило бы рассмотреть возможность создания в России полновесной структуры, которая была бы организационно заинтересована в поддержании и укреплении глобальных режимов нераспространения ОМУ, в том числе химического оружия, и координировала бы деятельность государственных структур в этой сфере

У России имеется немало средств для реализации вышеупомянутых задач. Подъем российской экономики, с одной стороны, и сложности, с которыми сталкивается курс на «однополярность», с другой, создают предпосылки для оптимизма. Вместе с тем, во вновь возрастающей общемировой тенденции к многополярности проявляются новые элементы нестабильности, связанные с расширением числа участников «ядерного» клуба. Многосторонних правил игры в этом клубе, за исключением Договора о нераспространении ядерного оружия, нет. Нет и механизма сокращения ядерных арсеналов Положительный пример,

который до 2002 года подавала в этом отношении Организация по запрещению химического оружия, сегодня подорван нарастающей в ее деятельности политической зависимостью от США. Возвращение ОЗХО на стезю подлинной многосторонности могло бы способствовать не только консолидации процессов химического разоружения и нераспространения, но и дать политический толчок разработке многосторонних политических и военно-стратегических правил в ядерной и биологической областях.

**По теме диссертации опубликованы
следующие работы автора:**

1. М.В. Таманин Запрет на химическое оружие: десять лет спустя проблемы остаются – «США ♦ Канада: экономика, политика, культура», № 10, 2007 (1,1 п. л.)
2. Mikhail Berdennikov. The experience of the Organisation for the Prohibition of Chemical Weapons. The Implementation of Legally Binding Measures to Strengthen the Biological and Toxin Weapons Convention NATO Science Series, II/150, 2004, pp. 103–109 (0,3 п. л.)
3. Mikhail Berdennikov Chemical Weapons and Terrorism. – «DDA Occasional Papers», No 5, October 2001, pp 29–37 (0,3 п. л.)
4. Mikhail V Berdennikov. Current Experiences: Bilateral Agreements. A Russian View, in Disarmament and Arms Limitation Obligations. Problems of Compliance and Enforcement Edited by Serge Sur, UNIDIR, 1994, Dartmouth Publishing Company Limited, UK, pp 41–57 (1,2 п. л.)

Общий объем публикаций – 2,9 п. л

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт Соединенных Штатов Америки и Канады

На правах рукописи
Берденников М.В.

ПОЛИТИКА США В СФЕРЕ ХИМИЧЕСКОГО РАЗОРУЖЕНИЯ
(середина 1960-х – 2007 гг.)

*(Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук)*

Подписано в печать 25 09 2007 г Объем – 2 п л Формат 90 x 60 1/16
Тираж 100 экз Гарнитура SchoolBook, TextBook

Редакционно-издательский отдел ИСКРАН
Москва, Хлебный пер , 2/3 Телефон 203-0403